

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Океан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148207

Аннотация

«На океан ложатся мгlistые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой – душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушаемого, свободного и таинственного простора. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дыме рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы распадаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стоны, ни грохота падения не доносится на землю – чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана...»

Содержание

Картина 1	5
Картина 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Андреев

Океан

Действие происходит в 1782 году.

Картина 1

На океан ложатся мглистые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой – душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушаемого, свободного и таинственного простора. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дыме рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы распадаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стоны, ни грохота падения не доносится на землю – чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана.

Тишина и в рыбацком поселке. Рыбаки ушли на ловлю, дети спят и только беспокойные женщины, собравшись у домов, разговаривают тихо, медлят отойти ко сну, за которым всегда стоит неизвестность. Свет моря и неба позади домов, и дома и темные крыши их черны и остры, и нет перспективы: и дальние и близкие стоят рядом, как бы входят один в другой, обнимаются крышами и стонами, жмутся друг к другу, охваченные тем же беспокойством вечной неизвестности. Тут же и маленькая церковь, боковая стена ее, сложенная грубо из гранитных необтесанных камней, с глубоким затаившимся окном.

Осторожный звук женских голосов, смягченных беспокойством и наступающей ночью.

– Сегодня можно спать спокойно. Море тихо, и прибой бьет как часы на колокольне у старого Дана.

– Они придут с утренним приливом. Муж сказал, что они придут с утренним приливом.

– А может быть с вечерним: лучше думать так, чтобы не ждать напрасно.

– Но печь надо топить.

– Когда мужчин нет в доме, то не хочется зажигать и огня. Я никогда не зажигаю огня, даже когда не сплю, мне кажется, что огонь приносит бурю. Лучше притаиться и молчать.

– И слушать ветер? Нет, это страшно.

– А я люблю огонь. Я и спать хотела бы при огне, но муж не позволяет.

– Почему не идет старый Дан? Уже пора вызванивать часы.

– Сегодня Дан будет играть в церкви: он не терпит тишины, как сегодня. Когда море ревет, Дан прячется и молчит – он боится моря. Но стоит волнам умолкнуть, Дан тихонько выползает и садится за свой орган.

Женщины тихо смеются.

– Он упрекает море.

– Жалуется на него Богу. Он очень хорошо жалуется: хочется плакать, когда он рассказывает Богу о погибших в море. Мариетт, ты видела сегодня Дана? Отчего ты молчишь, Мариетт?

Мариетт, приемная дочь аббата, в доме которого живет и старый Дан, органист. Задумавшись глубоко, Мариетт не слышит вопроса.

– Мариетт, ты слышишь? Анна спрашивает тебя, видела ты сегодня Дана?

– Да, кажется. Не помню. Он в своей комнате. Он не любит уходить из комнаты, когда отец уезжает на рыбную ловлю.

– Дан любит городских священников. Он никак не может привыкнуть к тому, что священник ловит рыбу, как простой рыбак и уходит в море с нашими мужьями.

– Он просто боится моря.

– Как хотите, но, по моему мнению, у нас – самый лучший в мире священник.

– Это правда. Я его боюсь, но люблю, как отца.

– Прости меня Бог, но я гордилась бы и радовалась постоянно, если бы была его приемной дочерью. Слышишь, Мариетт?

Женщины тихо и ласково смеются.

– Ты слышишь, Мариетт?

Мариетт отвечает:

– Слышу. Но разве вам не надоело смеяться все над одним и тем же? Да, я его родная дочь – неужели это так смешно, что вы будете смеяться всю жизнь!

Женщины смущенно оправдываются.

– Но он сам смеется над этим.

– Аббат любит пошутить. Он так смешно говорит: моя приемная дочь, а потом бьет кулаком и кричит: родная, а не приемная. Пусть хоть лопнет папа от злости; а она моя родная дочь.

Мариетт. Я никогда не знала моей матери, но ей было бы неприятен этот смех. Я чувствую это.

Женщины замолкают. Равномерно и глухо с правильностью большого маятника, ударяющего о берега, бухает прибой. Все еще падает на небе неведомый город, объятый огнем и дымом, и все не может упасть; и ожидает море. Мариетт поднимает опущенную голову.

– Ты что хочешь сказать, Мариетт?

– А тот не проходил? – спрашивает Мариетт тихо.

Женщина пугливо говорит.

– Тише! Зачем вы говорите о нем, я его боюсь.

– Нет, не проходил.

– Прошел. Я видела из окна, как он проходил.

– Ты ошиблась, это был кто-нибудь другой.

– Кому здесь быть другому? И разве можно ошибиться, если хоть раз увидишь, как он шагает. Других таких шагов нет ни у кого.

– Так ходят морские офицеры, англичане.

– Нет, разве я не видала в городе морских офицеров? Они ступают твердо, но открыто, им может поверить и девушка.

– Ой, смотри!

Боязливый и осторожный смех.

– Нет, не смейтесь. Он идет и не смотрит под ноги, он ставит ногу так, будто сама земля должна бережно принять ее и поставить. А если камень? – у нас много камней.

– При ветре он не сгибается и не прячет головы.

– Ну, да. Ну, да. Он не прячет головы.

– Правда ли, что он красив? Кто видел его близко?

Мариетт. Я.

– Нет, нет, не говорите о нем, я всю ночь не усну. С тех пор, как они поселились на горе, в проклятом замке, я не знаю покоя, я умираю от страха. Да и вы также, сознайтесь.

– Ну, не все.

– Зачем они пришли сюда? Их двое – что им делать в нашей бедной стране, где только камни да море?

– Они пьют джин. Матрос каждое утро приходит за джином.

– Это просто пьяницы, которые не хотят, чтобы им мешали пить. Когда матрос проходит по улице, за ним остается такой запах, как будто пронесли открытую бутылку с ромом.

– Но разве это дело – пить джин? Я их боюсь. Где тот корабль, который привез их? Они явились с моря.

Мариетт. Я видела корабль.

Женищины изумленно расспрашивают ее.

– Ты? Отчего же ты ничего не говорила нам? Расскажи, что ты знаешь.

Мариетт молчит. Вдруг одна из женищин испуганно вскрикивает:

– Ай, смотрите! У них зажегся огонь. В замке огонь!

Налево, в полумиле от поселка, вспыхнул слабый огонь, красный уголек в синеве сумерек и дали. Там на высокой скале обрывающейся к морю, стоит древний замок, жуткое наследие седой и таинственной старины. Давно разрушенный, давно мертвый, он сливается со скалою, продолжает и обманчиво заканчивает ее зубчато-ломанной линией своих бойниц, провалившихся крыши, полуосыпавшихся башен. Сейчас и скалы, и замок одеты дымчатой пеленой сумерек и дали, воздушны, лишены тяжести и почти также призрачны, как те чудовищные громады зданий, что громоздятся и распадаются бесшумно в высоком небе. Но те падают, а этот стоит, и в сплошной синеве его загорелся живой огонь – на него так же странно и жутко смотреть, как если бы в облаках зажгла огонь человеческая рука.

Повернув головы, испуганно смотрят женищины.

– Вы видите? – говорит одна. – Это еще хуже, чем огонь на кладбище. Кому нужен свет среди гробов?

Мариетт. Становится холодно к ночи, и матрос бросил сучьев в камин, вот и все. По крайней мере, я так думаю.

– А я так думаю, что аббат давно должен был пойти туда с кропилом.

– Или с жандармами! Если это не сам дьявол, то наверно один из помощников его.

– Нельзя спокойно жить с таким соседством.

– Страшно за детей.

– А за душу?

Две пожилые женищины поднимаются молча и уходят. Встает и третья, старуха:

– Нужно спросить у аббата: не грех ли еще и смотреть на такой огонь?

Уходит. Все больше дыму в небе, и все меньше огня, и уже близок к своему темному концу неведомый город; сильнее и крепче пахнет море.

С земли идет ночь.

Повернув головы, женищины смотрят вслед ушедшей; и снова поворачиваются к огню.

Мариетт, заступаясь за кого-то, говорит тихо:

– В огне не может быть плохого. Огонь в свечах, что перед Господом.

– Огонь и в аду перед Сатаной, – сердито шамкает вторая старуха и уходит.

Теперь осталось четверо и все молодые, все девушки.

– Я боюсь, – говорит одна, прижимаясь к подруге.

Кончается на небе бесшумный и холодный пожар, разрушен город, разрушена неведомая страна. Уже нет ни стен, ни падающих башен, – груды синевато-бледных исполинских тел безмолвно падают в бездну океана и ночи. Трепетными очами взглянула на землю молоденькая звёздочка; возле замка захотелось ей появиться из облаков и от невинного соседства темнее стал тяжелый замок, краснее и сумрачнее огонь в его окне.

– Прощай, Мариетт, – прощается девушка, та, что сидела одна и уходит.

– Пойдем и мы, становится холодно, – говорят те две и встают. – Прощай, Мариетт.

– Прощайте.

– Отчего ты одна, Мариетт? Отчего днем и ночью и в будни, и в веселый праздник ты одна, Мариетт? Ты любишь думать о своем женихе?

– Да, люблю. Люблю думать о Филиппе.

Девушка смеется.

– А видеть его не хочешь? Когда он уходит в море, ты часами смотришь на море; возвращается он – и тебя нет. Куда ты прячешься?

– Я люблю думать о Филиппе.

– Как слепой бродит он среди домов и все зовет: Мариетт! Мариетт! Вы не видали Мариетт?

Уходят, смеясь и повторяя:

– Прощай, Мариетт... Вы не видали Мариетт?... Мариетт...

Девушка одна. Смотрит на огонь в замке. Прислушивается к тихим и нерешительным шагам.

Из-за церкви справа выходит старый Дан, невысокий, сухой, кашляющий старик с бритым лицом. От нерешительности ли или оттого, что слаб глазами, идет он неуверенно, к земле прикасается осторожно и с некоторым страхом.

– Ого! Ого!

– Это ты, Дан?

– Я.

– Море тихо, Дан. Ты будешь сегодня играть?

– Ого! Семь раз я ударю в колокол. Семь раз я ударю и отошлю Богу семь Его святых часов.

Берет веревку от колокола и отбивает часы – семь звонких и долгих ударов. Ветер играет с ними: роняет на землю, но, не дав коснуться, подхватывает нежно, качивает тихо и с легким присвистом уносит в глубину темнеющей земли.

– Ох, нет! – бормочет Дан. – Плохие часы, они падают на землю. Это не его Святые часы и Он отдает их назад. Ой, идет буря! Господи, сжался над погибающими в море.

Бормочет, кашляет.

– Дан, сегодня я опять видела корабль. Ты слышишь, Дан?

– Много кораблей уходит в море.

– Но этот на черных парусах. Он опять шел на солнце.

– Много кораблей уходит в море. Послушай, Мариетт: был один умный царь – ой, какой умный! – и он приказал высечь море цепями. Ого!

– Я знаю, Дан. Ты говорил.

– Ого, цепями! Но он не догадался окрестить океан – зачем он не догадался, Мариетт? Ах, зачем он не догадался. Теперь нет таких царей.

– Что же тогда было бы, Дан?

– Ого!

Шепчет тихо:

– Уже окрещены все реки и ручьи и даже многих стоячих болот коснулся крест Господень, и только он остался – скверная соленая, глубокая лужа.

– Зачем ты его бранишь, он не любит этого, – упрекает Мариетт.

– Ого! Пусть не любит, я его не боюсь. Он думает, что он тоже орган и музыка Богу, это он – скверная, свистящая бешеная лужа! Соленый плевок Сатаны. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Идет к входным дверям церкви, сердито крикая, грозясь и словно торжествуя какую-то победу:

– Ого! Ого!

– Дан!

– Иди домой.

– Дан! Отчего ты не зажигаешь огня, когда играешь? Дан, я не люблю моего жениха. Ты слышишь, Дан?

Дан неохотно поворачивает голову.

– Я уже давно слышу это, Мариетт. Скажи отцу.

– Где моя мать, Дан?

– Ого! Опять ты бесишься, Мариетт? Ты слишком много смотришь на море – да. Вот я скажу, скажу отцу, да.

Скрывается в церкви, откуда вскоре доносятся звуки органа; слабые в первых протяжных, тяжело задумчивых аккордах, они быстро крепнут. И страстной тоскою своих человеческих напевов уже борются они с глухой и сумрачной тоской неутомимого прибоя. Как чайки в бурю рыскают звуки между высоких валов и выше подняться не могут на крыльях отягченных; держит их вечный и грозный океан в плену своих диких и извечных чар. Но поднялись они – и уже глуше шумит опустившийся океан; еще выше – и уже бессильно колышется внизу тяжелая, почти безгласная громада; звучат иные голоса в просторе светозарных далей. Одна тоска у дня, другая тоска у ночи – и вечным рабом вдруг кажется гордый, вечно мятущийся, черный океан.

Прижавшись щекою к холодному камню стены, слушает одинокая Мариетт и примиряется с чем – то, тоскуя все тише. Но вот звучат по дороге твердые и упорные шаги, скрежещет мелкий камень под крепкою стопою – и из-за церкви выходит он. Идет он медленно и строго, как те, кто не даром шатается по земле и знает оба ее конца: шляпу держит в руках, думает о чем-то, глядя перед собою. На широких плечах круглая, крепкая голова, с короткими волосами; темный профиль суров и повелительно-надменен; – и хотя одет человек в полувоенную одежду, но не подчиняет тело дисциплине одежды, а владеет ею как свободный. Складки ложатся покорно, не смеют иначе – согнет их, где надо, спокойное-сильное тело.

Приветствует его Мариетт:

– Добрый вечер.

Он, уже отошедший далеко, останавливается и медленно поворачивает голову. Выжидательно молчит, точно жалея расстаться с безмолвием.

– Это мне сказано: добрый вечер? – спрашивает наконец.

– Да, это вам. Добрый вечер.

Он молча смотрит.

– Ну, добрый вечер. Меня первый раз приветствуют в этой стране, и я удивился, услышав твой голос. Подойди ближе. Отчего ты не спишь, когда все спят? Ты кто?

– Я дочь здешнего аббата.

Он засмеялся:

– Разве у попов бывают дети? Или в вашей стране особенные попы?

– Да, особенные.

– Теперь я вспоминаю: Хорре что-то рассказывал мне про здешнего попа.

– Кто этот Хорре?

– Мой матрос. Ну, тот, что покупает у вас джин...

Он снова несколько неожиданно засмеялся и продолжал:

– Да, он рассказывал что-то. Это твой отец проклял папу и назвал свою церковь свободной?

– Да.

– И сам сочиняет молитвы? И сам с рыбаками ходит в море? И своими руками наказывает тех, кто его не слушается?

– Да. Я его дочь. Меня зовут Мариетт. А как зовут вас?

– У меня много имен. Какое же тебе назвать?

– То, которым вас крестили.

– А почему ты думаешь, что меня крестили?

– Тогда то, которым называла вас мать.

– А почему ты думаешь, что у меня была мать? Я не знаю своей матери.

Мариетт говорит тихо:

– Я также не знаю своей матери.

Оба молчат и дружелюбно рассматривают друг друга.

– Так вот как! – говорит он. – Ты тоже не знаешь матери. Ну, что же! зови меня тогда Хаггарт.

– Хаггарт?

– Да. Тебе нравится имя? Я его сам придумал: Хаггарт. Жаль, что тебя уже называли, я бы придумал тебе хорошенькое имя.

Вдруг он хмурится:

– Скажи, Мариетт, отчего ваша страна так печальна? Я хожу по вашим тропинкам и только камешки скрежещут под ногою. А по сторонам стоят большие камни.

– Это по дороге к замку, у нас туда никто не ходит. Правда, что эти камни останавливают прохожих вопросом: кто идет?

– Нет, они немые. Отчего твоя страна так печальна? Уже неделя, как я не вижу своей тени – это невозможно! – я не вижу своей тени.

– Нет, наша страна очень весела и радостна. Сейчас еще зима, а вот придет весна и с нею вернется солнце. Ты его увидишь, Хаггарт.

Он говорит с пренебрежением:

– И вы сидите и ждете спокойно пока оно придет? Хорошие же вы люди. Ах, если бы у меня был корабль!

– Что же тогда?

Он хмуро смотрит и недоверчиво качает головой.

– Ты слишком любопытна, девочка. Тебя кто-нибудь подослал?

– Нет. Зачем же вам нужен корабль?

Хаггарт добродушно и насмешливо смеется:

– Она спрашивает, зачем человеку корабль? Хорошие же вы люди: не знают, зачем человеку корабль, – и вдруг говорит серьезно: если бы у меня был корабль, я погнался бы за солнцем. И сколько бы не ставило оно своих золотых парусов, я нагнал бы его на моих черных. И заставил бы нарисовать на палубе мою тень. И стал бы на нее ногою – вот так!

Твердо пристукнул он ногою. Мариетт осторожно спрашивает:

– Вы сказали – на черных парусах?

– Это я так сказал. Зачем ты все спрашиваешь? У меня нет корабля, ты знаешь. Прощай.

Надевает шляпу, но не уходит. Мариетт молчит, и он говорит совсем сердито:

– Тебе, может быть, нравится и это, что играет ваш старый Дан, старый глупец?

– Вы знаете, как его зовут?

– Мне Хорре сказал. А мне не нравится, нет, нет. Приведи сюда хорошую честную собаку, или зверя и он завоюет. Ты скажешь, он не знает музыки – нет, он знает, но он не выносит лжи. Вот музыка, слушай!

Берет Мариетт за руку и грубо поворачивает ее лицом к океану.

– Слышишь? Вот музыка. Твой Дан обворовал море и ветер – нет, он хуже чем вор – он обманщик! Его нужно бы повесить на рее, твоего Дана! Прощай.

Идет, но, сделав два шага, оборачивается.

– Прощай, я тебе сказал. Иди домой. Пусть этот дурак играет один. Ну – иди.

Мариетт молчит, не двигаясь. Хаггарт смеется:

– Ты не боишься ли, что я забыл твое имя? Нет, я запомнил, тебя зовут Мариетт. Иди, Мариетт.

Она говорит тихо:

– Я видела ваш корабль.

Хаггарт быстро подходит и наклоняется к ней; лицо его страшно.

– Это неправда. Когда?

– Вчера вечером.

– Это неправда! Куда он шел?

– На солнце.

– Вчера вечером я был пьян и спал. Но это неправда. Я ни разу не видел – ты испытываешь меня. Смотри!

– Мне сказать вам, если я еще раз увижу?

– Как же ты можешь сказать?

– Я приду к вам на гору.

Хаггарт внимательно смотрит на нее.

– Если только ты не лжешь. Какие люди в вашей стране, лживые или нет? В тех странах, какие я знаю, все люди лживые. Другие видели корабль?

– Не знаю. Я одна была на берегу. Теперь я вижу, что это не ваш корабль: вы ему не рады.

Хаггарт молчит, точно забыв о ее присутствии.

– У вас красивое платье. Вы молчите? Я к вам приду.

Хаггарт молчит. Суров и дико сумрачен темный профиль: и глухим молчанием, безмолвием долгих часов, быть может, дней, быть может, всей жизни исполнено каждое движение его сильного тела, каждая складка одежды.

– Ваш матрос не убьет меня?

– Вы молчите?

– У меня есть жених, его зовут Филипп, но я его не люблю.

– Вы теперь как тот камень, который стоит по дороге к замку.

Хаггарт молча поворачивается и идет.

– Я тоже помню как вас зовут. Вас зовут Хаггарт.

Он уходит.

– Хаггарт! – зовет *Мариетт*, но уже скрылся он за домами и только скрежет рассыпающихся камешков замирает в туманном воздухе. Снова играет отдохавший *Дан*; рассказывает *Богу* о погибших в море.

Крепнет ночь. Уже не видно ни скалы, ни замка и только огонь в окне краснеет ярче.

Об иных жизнях повествует глухо бухающий, неустанный прибой.

Картина 2

Сильный ветер надувает обрывок паруса, которым завешено большое разверстое окно. Парус мал, не закрывает всего окна, и в зияющее отверстие дышит ненастьем темная ночь. Дождя нет, но теплый ветер, насыщенный морем, тяжел и влажен.

Тут, в башне, живут Хаггарт и матрос его Хорре. Оба они спят тяжелым хмельным сном; на столе и в углах пустые бутылки, остатки еды; единственный табурет опрокинут и лежит на боку. Перед вечером матрос вставал, зажег большую плошку, и еще что-то хотел сделать, но свежий хмель одолел его и он снова уснул на своей жиденькой подстилке из соломы и морских трав. Колеблемый ветром, свет плошки желтыми тревожными пятнами мечется по неровным исцербленным стенам и пропадает в черном отверстии двери, ведущей в другие помещения замка.

Хаггарт лежит на спине, и по его круглому и сильному лбу бегают бесшумно те же тревожные желтые блики, подбираются к сомкнутым глазам, к прямому, резко очерченному носу – и, заматавшись, убегают на стену. Дыхание спящего глубоко и неровно; минута поднимется тяжелая, словно чужая, рука, сделает несколько неясных, незаконченных движений и бессильно упадет на грудь.

Под окном грохочет и ревет бурун, разбиваясь о скалы – уже вторые сутки на океане буря. Дряхлая башня вздрагивает от неистовых ударов волн и отвечает буре шорохом осыпающейся штукатурки, постукиванием мелких обрывающихся камешков, шепотом и вздохами заблудившегося в переходах ветра. Шепчет и бормочет, как старуха.

Матросу становится холодно на каменном полу, по которому ветер разливается, как вода; он ворочается, поджимает под себя ноги, втягивает голову в плечи, ищет рукой воображаемую одежду, но все не может проснуться, – тяжел и силен двухдневный хмель. Но вот взвизгнул ветер сильные, что-то ухнуло – быть может, завалилась в море часть разрушенной стены, отчаянные заматались тревожные желтые пятна на кривой стене, – и Хорре проснулся.

Сел на подстилке, оглядывается, но ничего не понимает.

Ветер свистит, как разбойник, сзывающий других разбойников, и всю ночь заселяет тревожными призраками. Кажется, что море полно погибающих кораблей, людей, которые утонут, и отчаянно борются со смертью. Слышны голоса. Где-то тут близко кричат, бранятся, хохочут и поют, как сумасшедшие, разговаривают деловито и быстро – вот-вот увидишь искаженное ужасом или смехом незнакомое человеческое лицо или судорожно скрюченные пальцы. Но хорошо пахнет морем и это, вместе с холодом, приводит Хорре в себя.

– Нони! – зовет он хрипло, но Хаггарт не слышит; и, подумав, зовет снова.

– Капитан! Нони! Вставай!

Но не отвечает Хаггарт, и матрос бормочет:

– Нони пьян и спит. Ну, и пусть спит. Ух, какая холодная ночь, в ней нет тепла даже настолько, чтобы согреть нос. Мне холодно! Мне холодно и скучно, Нони, я не могу так пить, хотя я пьяница и это всем известно. Но одно дело пить, другое дело утопать в джине, это совсем другое дело, Нони: становишься утопленником, просто мертвецом. Мне стыдно за тебя, Нони. Вот я выпью сейчас и...

Встает, шатаясь, находит непочатую бутылку и пьет.

– Хороший ветер. Они называют это бурей – ты слышишь, Нони? Они называют это бурей. А как же они назовут бурю?

Снова пьет.

– Хороший ветер!

Подходит к окну и, отстранив край паруса, смотрит.

– Ни одного огня ни в море, ни в поселке: спрятались и спят, ждут, пока пройдет буря. Брр, холодно. А я бы их всех выгнал в море, это подло ходить в море только в тихую погоду. Это значит надувать море. Я морской разбойник, это правда, меня зовут Хорре и меня давно нужно повесить на рее, и это правда, но я никогда не позволю себе такой мерзости: надувать море. Зачем ты привел меня в эту дыру, Нони?

Собирает хворост и бросает в камин.

– Я тебя люблю, Нони. Вот я зажгу огонь, чтобы согреть твои ноги, я ведь был твоей нянькой, Нони – но ты с ума сошел, это правда. Я умный человек, но я ничего не понимаю в твоих поступках. Зачем ты бросил корабль? Тебя повесят, Нони, тебя повесят, и я буду болтаться рядом с тобою. Ты с ума сошел, это правда!

Разжигает огонь, потом prepares еду и питье.

– Ты что скажешь, когда проснешься? «Огонь». А я отвечу: «есть». Потом ты скажешь: «пить». А я отвечу: «есть». А потом ты опять напьешься и я напьюсь с тобою, и ты будешь городить чепуху – до каких же пор будет это продолжаться? Два месяца мы так живем, а может быть два года, двадцать лет – я утопаю в джине, я ничего не понимаю в твоих поступках, Нони.

Пьет.

– Или я сошел с ума от джина, или поблизости погибает корабль. Как они кричат!

Смотрит в окно.

– Нет, пусто. Это ветер скушает и играет сам с собою. Он много видел крушений и теперь сочиняет: сам кричит, сам бранится и плачет, и сам же хохочет, плут! Но если ты думаешь, что эти лохмотья, которыми я завесил окно, парус, а эта развалина трехмачтовый бриг – то ты дурак! Мы никуда не идем! Мы стоим на мертвом якоре, слышишь?

Осторожно расталкивает спящего.

– Вставай, Нони. Мне скучно. Если пить, так вместе – мне скучно, Нони!

Хаггарт просыпается, потягивается и говорит, еще не открывая глаза.

– Огонь.

– Есть.

– Пить.

– Есть! Хороший ветер, Нони. Я смотрел в окно и море плеснуло мне в глаза. Сейчас прилив и брызги летят до башни. Мне скучно, Нони, я хочу с тобой говорить. Не сердись!

– Холодно.

– Сейчас разгорится огонь. Я не понимаю твоих поступков. Ты не сердись, Нони, но я не понимаю твоих поступков! Я боюсь, что ты сошел с ума.

– Ты уже пил?

– Пил.

– Дай сюда.

Пьет прямо из горлышка, лежа и блуждая взорами по кривым, исцербленным стенам, теперь озаренным в каждом выступе и каждой трещине ярким огнем камина. Еще не совсем уверен, что проснулся, и что все это – не сон. При сильных порывах ветра пламя выбрасывает из камина, и тогда вся башня точно пляшет – тают и убегают в разверстую дверь последние тени.

– Не сразу, Нони! Не сразу! – говорит матрос и осторожно отбирает бутылку.

Хаггарт садится и обеими руками сжимает голову.

– Болит. Что это за крик: разбился корабль?

– Нет, Нони. Это ветер плутует.

– Хорре!

– Капитан.

– Дай бутылку.

Отпивает немного и ставит на стол. Потом ходит по комнате, расправляя плечи и грудь, и заглядывает в окно. Хорре смотрит через плечо и подсказывает:

– Ни одного огня. Темно и пусто. Кому нужно было погибнуть, тот уже погиб, а осторожные трусы сидят на твердой земле.

Хаггарт оборачивается и говорит, вытирая лицо.

– Когда я бываю пьян, я слышу голоса и пение. С тобою не бывает этого, Хорре? Кто это поет сейчас?

– Ветер поет, Нони, только ветер.

– Нет, а еще? Как будто поет человек, женщина поет, а другие смеются и что-то кричат. И это только ветер?

– Только ветер.

– Зачем же он обманывает меня? – говорит Хаггарт надменно.

– Ему скучно, Нони, как и мне, и он смеется над людьми. Разве ты слышал когда-нибудь в открытом море, чтобы он так лгал и издевался? Там он говорит правду, а здесь – здесь он пугает береговых и издевается над ними. Он не любит трусов, ты знаешь.

Хаггарт говорит угрюмо:

– Я слышал недавно, как играл в церкви их органист. Он лжет.

– Они все лжецы.

– Нет! – *кричит гневно Хаггарт.* – Не все. И там есть говорящие правду. Я обрежу тебе уши, если ты будешь клеветать на честных людей! Слышишь?

– Есть.

Молчат и слушают дикую музыку моря. С ума сошел ветер, это видно. Взял в охапку множество инструментов, из которых люди извлекают свою музыку: арф, свирелей, драгоценнейших скрипок, тяжелых барабанов и медных труб – и с размаху вместе с волной разбил об острые камни. Разбил и захохотал: только так понимал он музыку – каждый раз в смерти инструмента, каждый раз в разрыве струн, звенящей меди. Так понимал он музыку, сумасшедший музыкант! Хаггарт глубоко вздыхает и с некоторым изумлением, как человек проснувшийся, оглядывается по сторонам.

Коротко приказывает.

– Дай трубку.

– Есть.

Оба закуривают.

– Не сердись, Нони, – *говорит матрос.* – Ты стал такой сердитый, к тебе нельзя приступить. Можно мне потолковать с тобой?

– И там есть говорящие правду, – *говорит Хаггарт, угрюмо выпуская клубы дыма.*

– Как тебе сказать, Нони? – *отвечает матрос осторожно, но упрямо.* – Нет там правдивых людей. Это с тех пор, как случился потоп: тогда все честные люди ушли в море, а на твердой земле остались одни трусы и лжецы.

Хаггарт минуту молчит, потом вынимает трубку изо рта и весело смеется:

– Это ты сам придумал?

– Я так думаю, – *скромно говорит Хорре.*

– Ловко! И стоило для этого учить тебя священной истории. Тебя поп учил?

– Да. В каторжной тюрьме. Тогда я был невинен, как голубица. Это тоже из священной истории, Нони: там всегда так говорится.

– Он был глуп! Тебя надо было не учить, а тогда же повесить, – *говорит Хаггарт и добавляет угрюмо:* – не говори глупостей, матрос. И подай мне бутылку.

Пьют. Хорре топает ногой по каменному полу и спрашивает:

– Тебе нравится эта неподвижная штука?

– Я хотел бы, чтобы подо мною плясала палуба.

– Нони! – *кричит матрос восторженно*. – Нони! вот я слышу настоящее слово! Уйдем же отсюда. Я не могу так существовать, я утопаю в джине, я ничего не понимаю в твоих поступках, Нони! Ты с ума сошел. Откройся мне, мальчик. Я был твоей нянькой, я с пальца кормил тебя, Нони, когда твой отец привез тебя на борт. Помню, как горел тогда город, а мы уходили в море, и я не знал, что с тобою делать: ты визжал как поросенок в камбузе. Я даже хотел бросить тебя за борт, так ты мне надоел тогда. Ах, Нони, это все так чувствительно, что я не могу вспоминать. Я должен выпить. Выпей и ты, мальчик, но только не сразу, не сразу!

Пьют. Хаггарт тяжело и длительно шагает, как человек, запертый в темнице, но не желающий убежать.

– Тоска! – *говорит он, не глядя на Хорре*.

Тот с видом понимания утвердительно кивает головой.

– Тоска, понимаю. С тех пор?..

– С тех пор.

– С тех пор, как мы утопили тех? Они очень кричали.

Хаггарт. Я не слышал их крика. Но вот это я слышал: в груди у меня оборвалось что-то, Хорре. Всегда тоска, везде тоска! Пить!

Пьет.

– Тот, который плакал – уж не боюсь ли я его, Хорре? Вот было бы хорошо! У него текли слезы и он плакал, как несчастный. Зачем он делал это? Может быть, он из такой страны, где никогда не слышали о смерти, как ты думаешь, матросик?

Хорре. Я его не помню, Нони. Ты так много говоришь о нем, а я не помню.

Хаггарт. Он был глупец. Себе он испортил смерть, а мне испортил жизнь. Я его проклинаю, Хорре. Пусть он будет проклят. Но только это ничего не значит, Хорре – нет!

Молчание.

Хорре. Хороший джин на этом берегу. Оно наладится, Нони, пройдет полегоньку. Уж если ты проклял, так ему нет никакой задержки: пройдет в ад, как устрица.

Хаггарт качает головою:

– Нет, Хорре, нет! Тоска. Ах, матрос, зачем я остановился тут, где я слышу море? Уйти бы мне туда, в глубину земли, где совсем не знают моря, где никогда о нем не слышали на тысячу миль, на пять тысяч миль!

– Такой земли нет.

– Есть, Хорре. Давай пить и смеяться, Хорре. Этот органист лжет. Спой ты мне, Хорре, ты поешь хорошо. В твоём хриплом голосе я слышу скрипение снастей, твой припев – как разорванный бурей парус. Пой, матросик.

Хорре мрачно качает головой.

– Нет, я не буду петь.

– Тогда я заставлю тебя молиться, как тех!

– И молиться ты меня не заставишь. Ты капитан, и ты можешь убить меня, и вот тебе твой пистолет. Он заряжен, Нони. А теперь я буду говорить правду. Капитан! От лица всего экипажа с вами говорит Хорре, боцман.

Хаггарт говорит:

– Оставь это представление, Хорре. Тут нет никакого экипажа. Мы двое. Выпей лучше.

Пьет.

– Но он тебя ждет, ты это знаешь. Капитан, вы намерены вернуться на корабль и снова принять командование?

– Нет.

– Капитан, вы не намерены ли пойти к тем береговым и жить с ними?

– Нет.

– Я не понимаю твоих поступков, Нони. Что же вы намерены делать, капитан?

Хаггарт молча пьет.

– Не сразу, Нони, не сразу. Вы намерены, капитан, торчать в этой дыре, пока придут полицейские собаки из города и потом нас повесят, даже не на рее, а просто на ихнем дурацком дереве?

– Да. Ветер крепчает. Ты слышишь, Хорре, ветер крепчает?

– А золото, которое мы зарыли тут? – *показывает пальцем вниз.*

– Золото? Возьми его и иди с ним куда хочешь.

Матрос говорит гневно:

– Ты плохой человек, Нони. Ты только что ступил на землю и уже у тебя мысли предателя. Вот что делает земля!

– Молчи, Хорре. Я слушаю. Это наши матросы поют, ты слышишь? Нет, это вино бьет мне в голову. Я скоро буду пьян. Дай бутылку.

– Не пойдешь ли ты к попу? Он отпустит тебе грехи.

– Молчать! – *ревет Хаггарт и хватается за пистолет.*

Молчание. Буря крепнет. Хаггарт возбужденно шагает, натываясь на стены. Отрывисто бормочет что-то. Вдруг хватается парус и яростно срывает его, впуская соленый ветер. Плошка почти гаснет и пламя в камине мечется дико – как Хаггарт.

– Зачем ты запер ветер? Теперь так, теперь хорошо – иди сюда.

– Ты был грозой морей! – *говорит матрос.*

– Да. Я был грозой морей.

– Ты был грозой берегов! Твое славное имя гремело, как прибой, по всем побережьям, где живут только люди. Они видели тебя во сне. Когда они думали об океане, они думали о тебе. Когда они слышали бурю, они слышали тебя, Нони!

– Я жег их города. Подо мною колыхается палуба, Хорре. Подо мною колыхается палуба!

Радостно смеется, безумно.

– Ты топил их корабли. Ты пустил на дно англичанина, который гнался за тобой.

– У него на десять пушек было больше, чем у меня.

– И ты зажег и потопил его. Помнишь, Нони, как смеялся тогда ветер? Ночь была черна как сегодня, а ты сделал из нее день, Нони. Нас качало огненное море.

Хаггарт стоит бледный, с закрытыми глазами. И вдруг кричит повелительно:

– Боцман!

– Есть, – *вскакивает Хорре.*

– Свисти всех наверх.

– Есть.

Резкий боцманской свисток острыми лучами пронизывает ночь. Все оживает и становится похоже на палубу корабля. Волны кричат человеческими голосами; и в полузабытых, страстный и гневный, командует Хаггарт.

– На ванты! – Взять лиселя. – Носовые готовься! – Цель в снасти, я не хочу топить его сразу. Направо руля, ложись на бейдевинд. Вторые готовься... А, огонь! А, ты уже горишь! На абордаж! Готовь крючья.

И безумно мечется Хорре, выполняя безумные приказания.

– Есть. Есть.

– Смелее, дети. Не бойтесь слезть! Эй, кто плачет там? Не смей же плакать, когда умираешь, я на огне высушу твои подлые глаза. Огонь! Везде огонь, Хорре-матрос! Я умираю. Они влили мне в грудь расплавленную смолу. Ой, жжет!

– Не плошай, Нони. Не плошай! Вспомни отца. Бей их в лоб, Нони!

– Я не могу, Хорре. Силы оставили меня. Где моя сила?

– Бей их в лоб, Нони. Бей их в лоб!
– Возьми нож, Хорре, и вырежь мне сердце. Корабля нет, Хорре, – нет ничего. Вырежь мне сердце, товарищ, предателя выбрось из моей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.